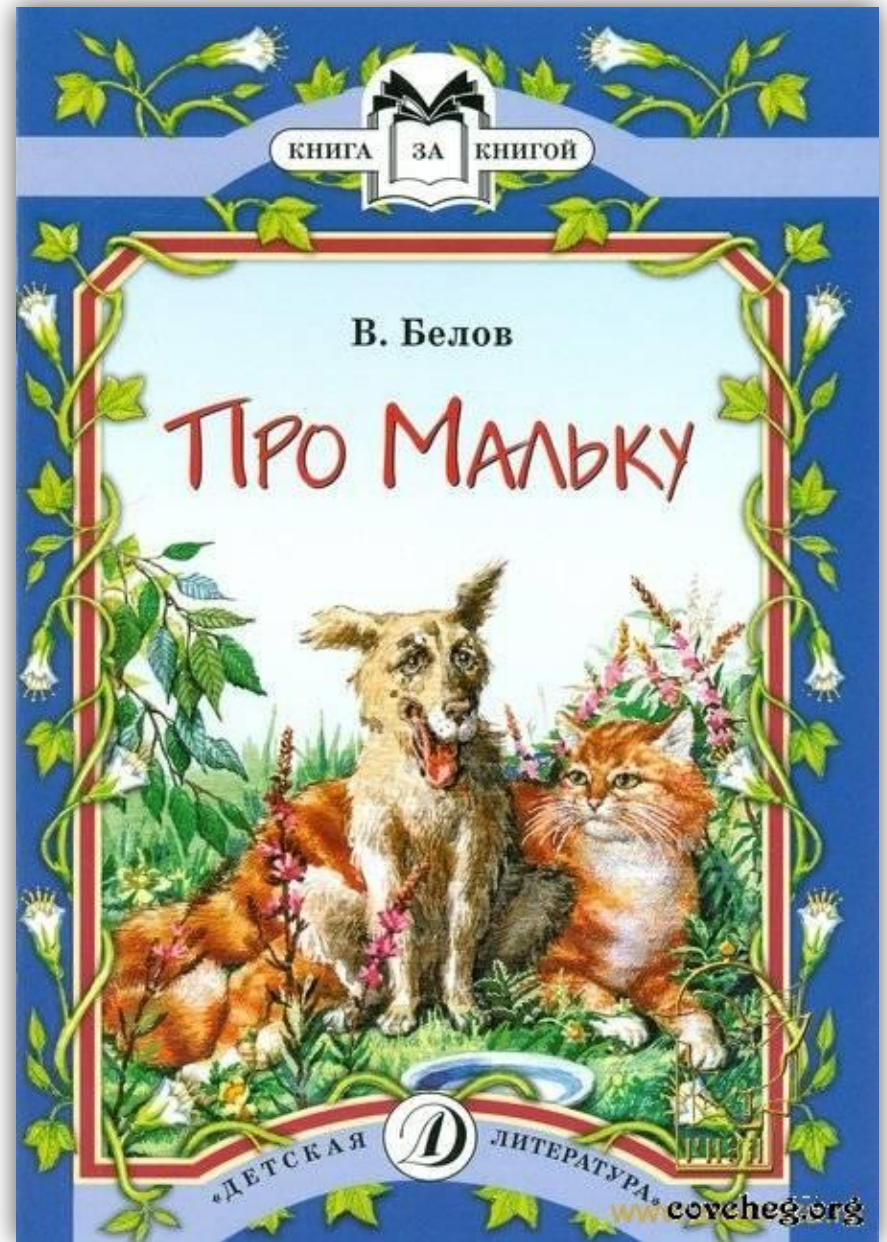

Василий Белов

К ЧИТАТЕЛЯМ

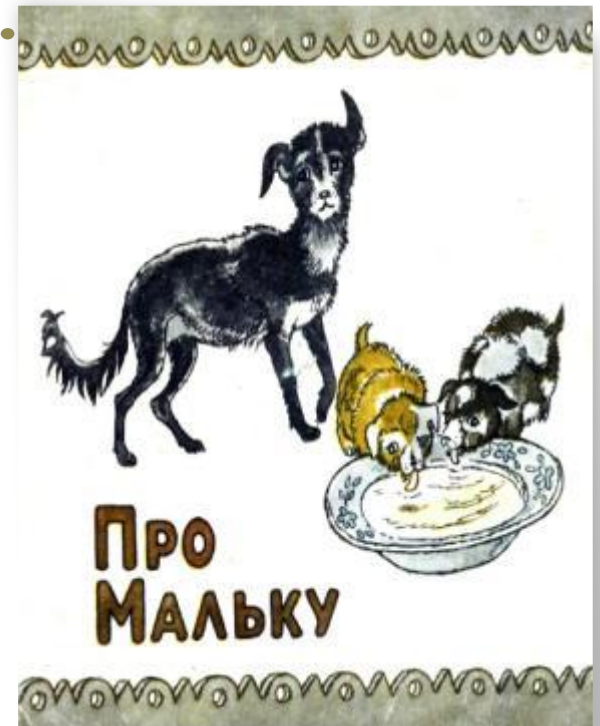
Имя замечательного русского писателя XX века Василия Ивановича Белова хорошо знакомо современному читателю. Он – автор многих произведений: рассказов, очерков, пьес, повестей, романов. Признанием заслуг В.Белова стало присуждение ему, автору и общественному деятелю, государственных премий и орденов.

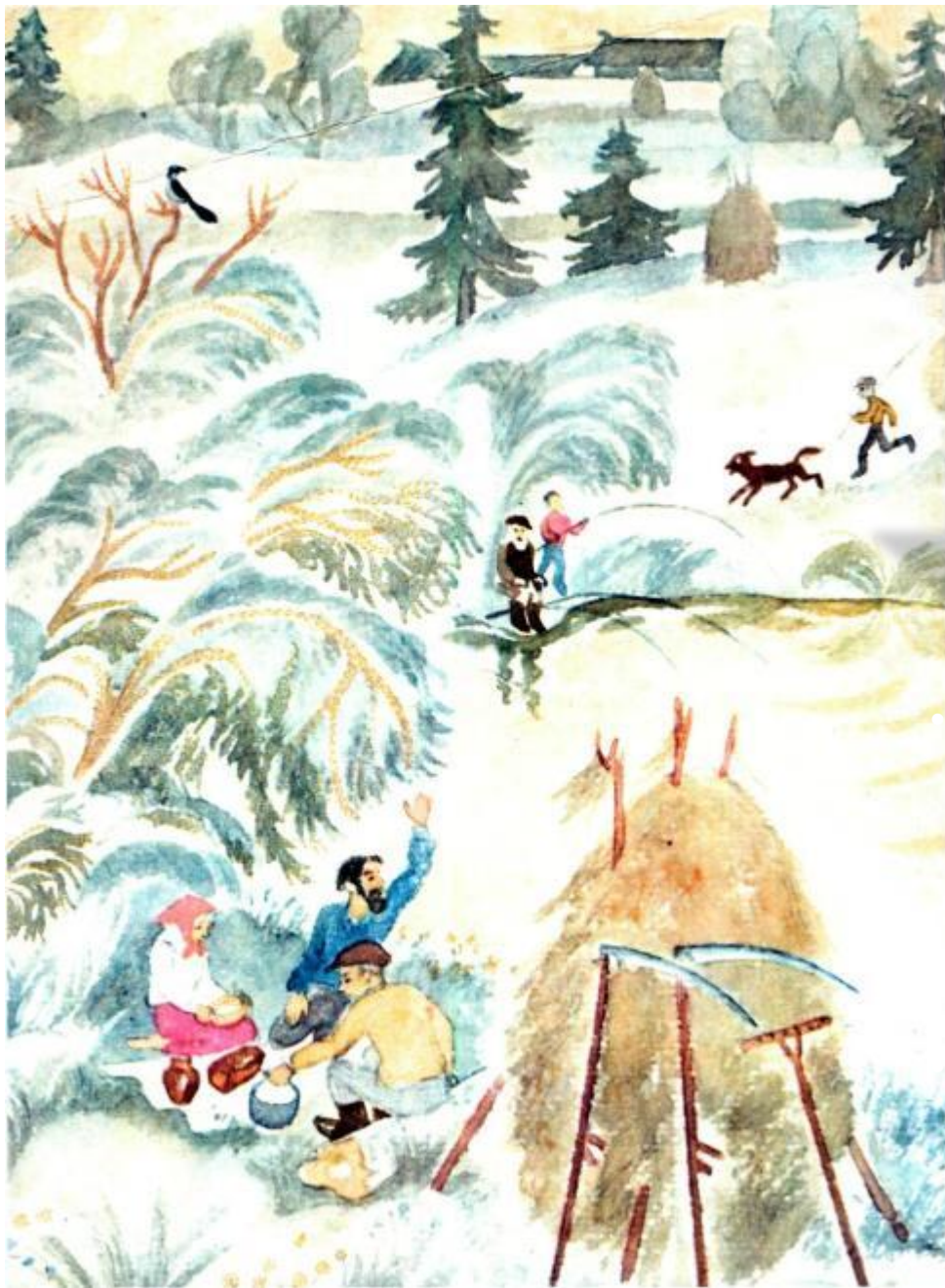
Василий Белов – продолжатель традиций русской классики. Герои его книг – люди удивительные, добрые и по-народному мудрые. Произведения писателя, в том числе и рассказы, которые включены в эту книгу, написаны ярким, колоритным языком, они полны описаний природы, проникнуты искренней любовью ко всему живому, к отчему дому.

Содержание

- Писатель и его книга.
- Верный и Малька.
- Малька провинилась.
- Ещё про Мальку.
- Тунеядец.
- Кот Рыжко.
- Галки и овцы.
- Про баранов.
- Последняя синичка.

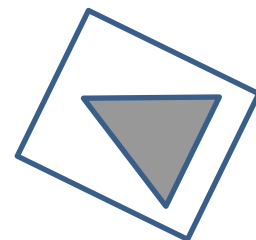
Василий Иванович Белов, автор этой книжки, родился и вырос в северной лесной деревушке. И хотя, став писателем, он поселился в городе Вологде, но не забывал своей деревни.

Работал он здесь легко и плодотворно.

Прочитав эту маленькую книжку, вы испытаете светлое и радостное чувство и удивление. Удивление от соприкосновения с простой и невыдуманной жизнью, которая многих из вас окружает ежедневно, а некоторым порой кажется обыденной и малоинтересной.

Человек будет добрее и лучше, если по-прежнему останется равнодушен ко всему живому — будь то синица, постучавшая в замороженное окно, или одинокий кустик у дороги...

Об этом и напоминает писатель.

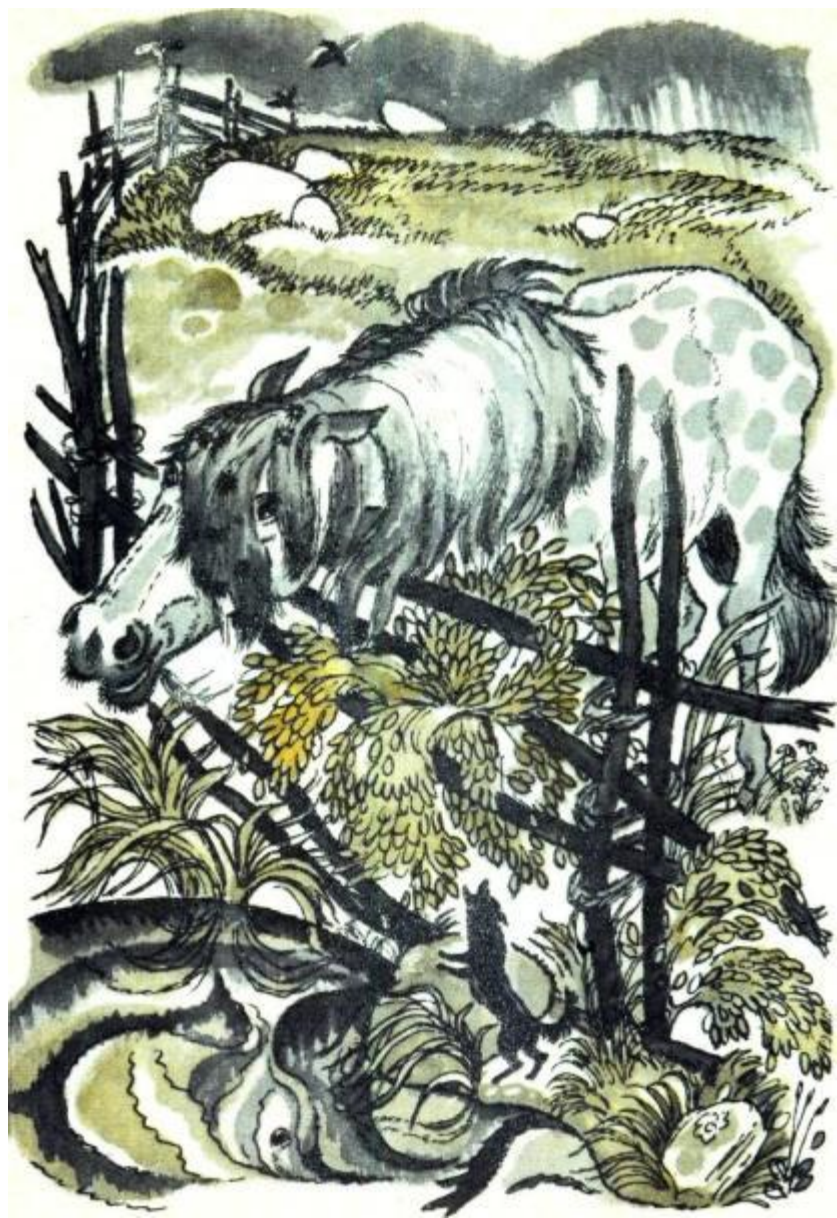

ВЕРНЫЙ И МАЛЬКА

Малька — это такая злющая собачонка, что хуже уже некуда. Сама маленькая, ножки что спички и очень кривые, а злости больше, чем у тигра. Она жила у одинокой пенсионерки Лидии.

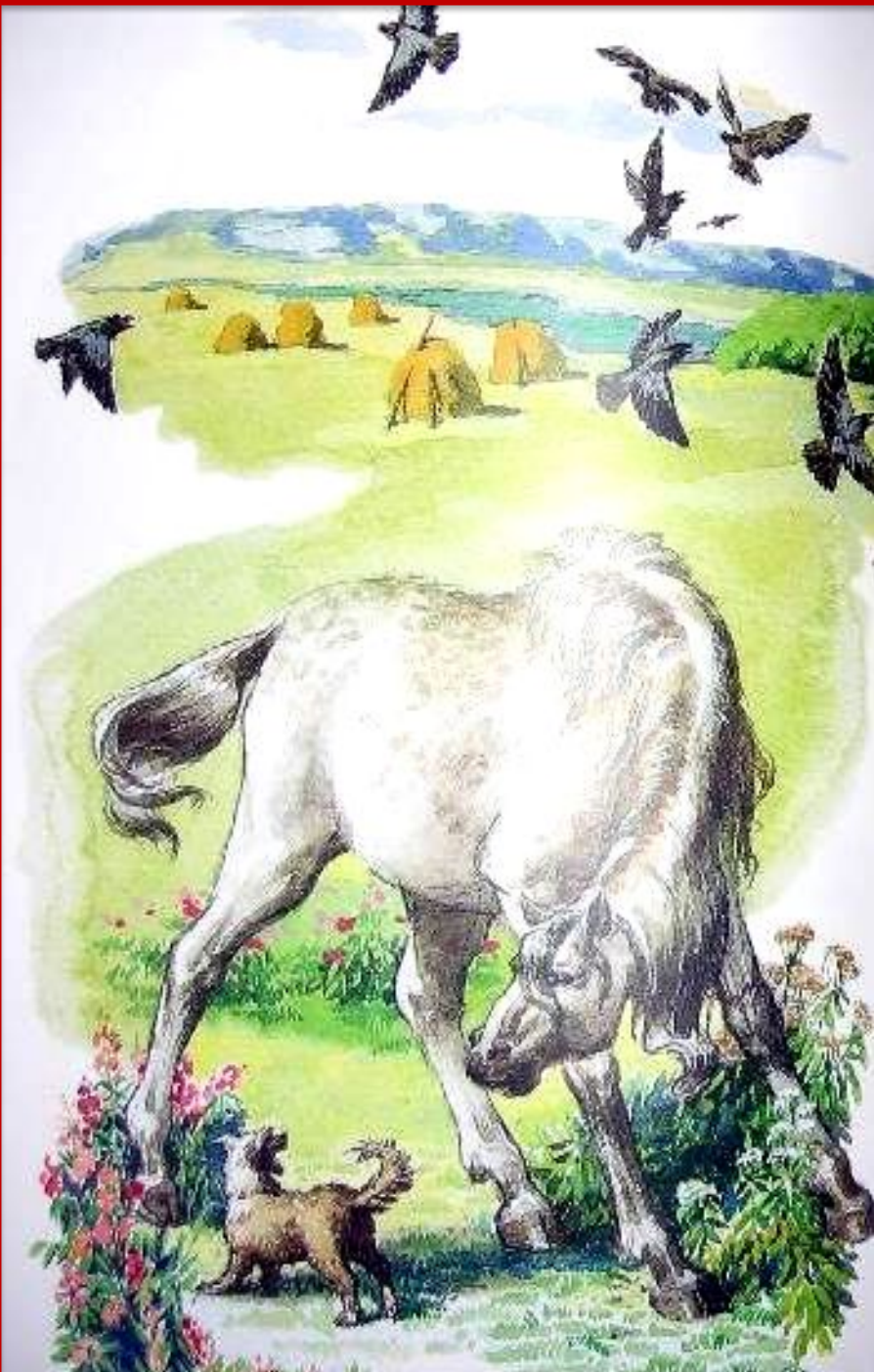

Бывало, к Лидии никто не ходил гулять, даже по праздникам. Собачка всегда облает гостя, а то ещё и за ногу тяпнет. Прямо до крови. Лидия уже говорит с посетителем, уже, кажется, ясно, что злиться нельзя, а Малька всё рычит и рычит. Откуда столько злости бралось?

Однажды я наблюдал за Верным. Он щипал на лужайке траву и никому не мешал. На спину ему села молодая галка и давай выщипывать шерсть. Я понял, что мерин как раз линяет. Галка поскакивала на конской спине взад и вперёд.

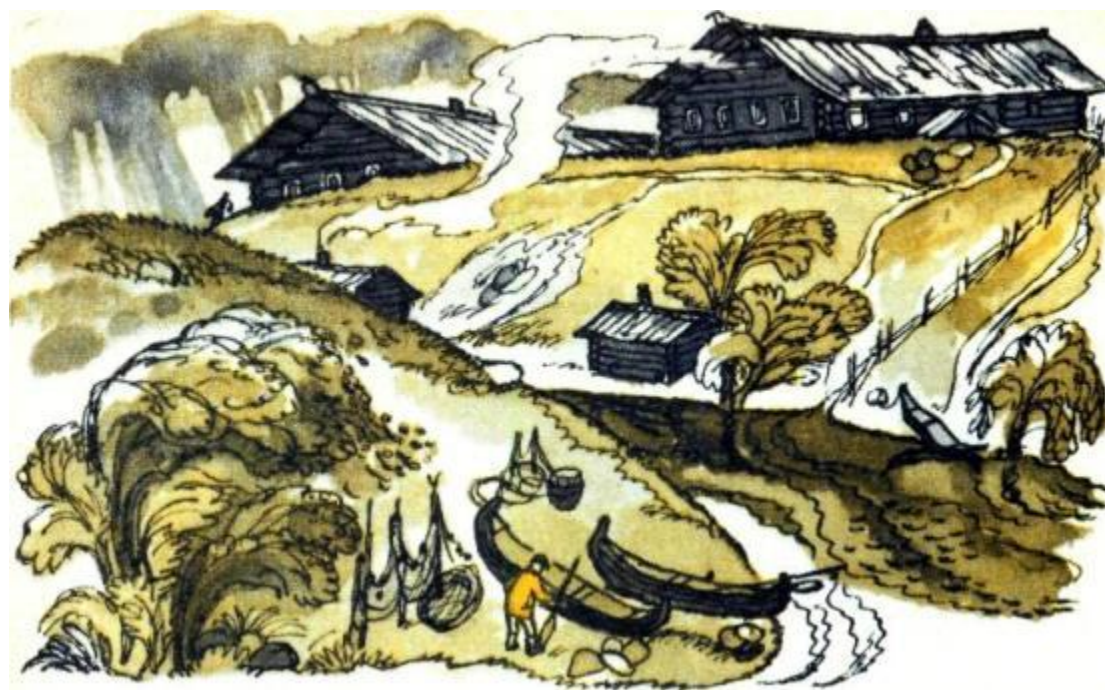
Верный даже не поднимал головы. Он усердно ел траву и только махал хвостом, словно подбадривал галку: «Дёргай, дёргай! Мне этой линялой шерсти нисколько не жалко». Галка набрала полный клюв шерсти и улетела. Верный лёг и начал кататься по земле, дрыгая своими большими ногами. Копыта так и мелькали в воздухе. Видимо, спина сильно чесалась — с таким удовольствием катался мерин по травке.

И вдруг ни с того ни с сего — Малька. С яростным, переходящим на визг лаем она бросилась на Верного. Верный вскочил на все свои четыре ноги. Он широко расставил передние ноги, наклонил голову и вытянул шею. Недоуменно замер. Что, мол, такое? Откуда столько шума? А Малька нагледла всё больше и больше. Она подскакивала к самой морде коня и готова была в неё вцепиться.

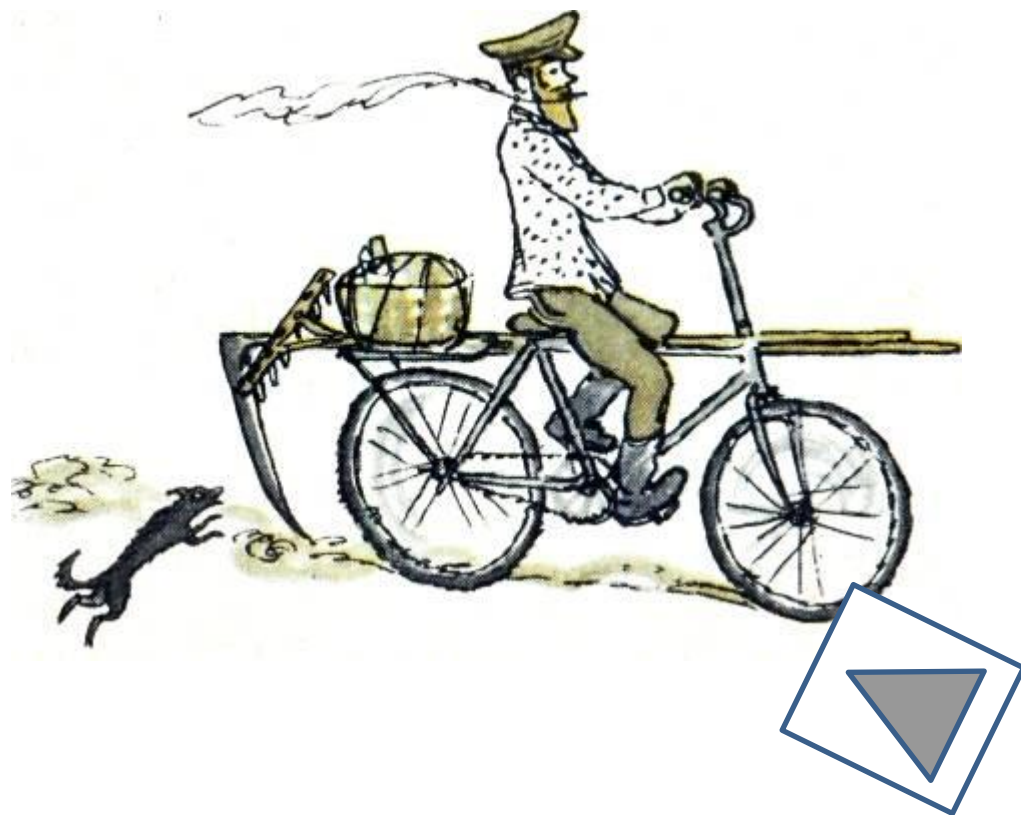

Верный терпел, терпел да как фыркнет! Малька даже отлетела в сторону. Верный бросился за ней, она от него. С того дня ему не стало от Мальки житья. Раньше Верный ходил пить воду, когда захочется. Теперь стало совсем не то. Дорога на речку шла мимо дома Лидии. Малька каждый раз бросалась и лаяла на него, но всегда держалась на безопасном расстоянии.

Верный наверняка её не боялся, но кому же приятно слушать залиvistый лай и полусумасшедший визг? И мерин бежал под горку к воде, от греха подальше. Малька, видимо, принимала это за доказательство своей силы, она злобно преследовала его до середины спуска. Потом возвращалась к своему исходному рубежу и стихала. Верный, как мне казалось, без всякого аппетита пил воду, потом возвращался вверх, в деревню. И Малька опять яростно налетала на Верного.

Неизвестно, чем кончилось бы всё это безобразие, если б дорога не просохла и через деревню не стали ходить машины. Малька неожиданно отступилась от Верного и начала с ещё большей яростью преследовать автомобили. Особенно не любила она велосипеды и «газики».

МАЛЬКА ПРОВИНИЛАСЬ

Как-то зимой, по снегу, я пошёл к Лидии за молоком и услышал, как в доме ругалась хозяйка. «Что такое? — подумалось мне. — Кого это Лидия так честит?» — Кривоногая! Шельма! — слышался за дверью голос Лидии. — Чего уши-то выставила? Ох, блудня! Ну, погоди! Не стыдно тебе в глаза-то глядеть, батявке? Не стыдно?!

Я вошёл в комнату, Лидия поздоровалась со мной и продолжала ругаться:

— Ремень-то бы взять да и нахлестать! Либо совсем на волю выставить, бессовестную! Оказывается, Лидия ругала Мальку, за то, что та принесла двух щенят.

Малька с недоумением глядела в глаза хозяйке, виновато мотала хвостом и не понимала, за что её так ругают. Я поглядел под лавку: там в старой шапке-ушанке беспомощно барахтались два крохотных кутёнка. Малька едва не вцепилась мне в нос. — Сиди! — осадил её Лидия. — Сиди, никто не возьмёт твоих шаромыжников! Кому они нужны...

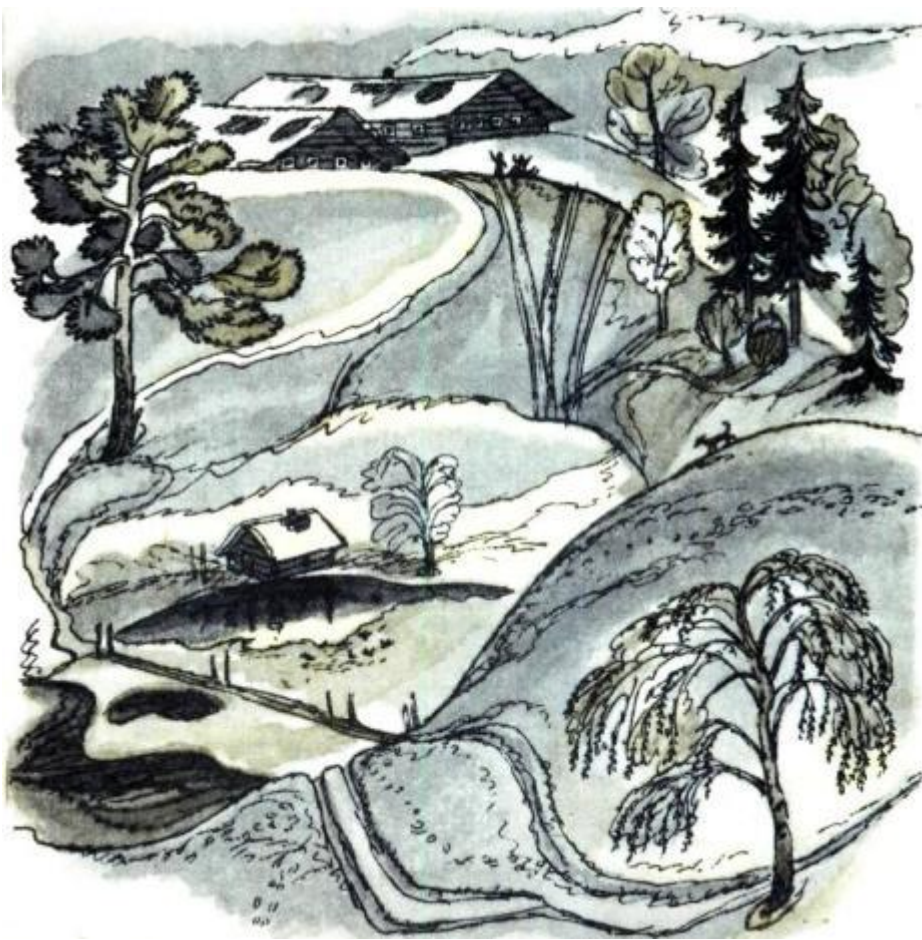

Лидия ругала Мальку два дня, на третий сказала: — Ладно, пускай живут.

Потом я слышал, что одного щенка забрал тракторист, который часто проезжал через деревню.

Второго Лидия отнесла за реку в соседнюю деревню, а взамен принесла рыжего молодого кота. Не знаю уж, как отнеслась ко всему этому Малька, наверное, не очень-то ей было приятно. Лидия, во всяком случае, была довольна.

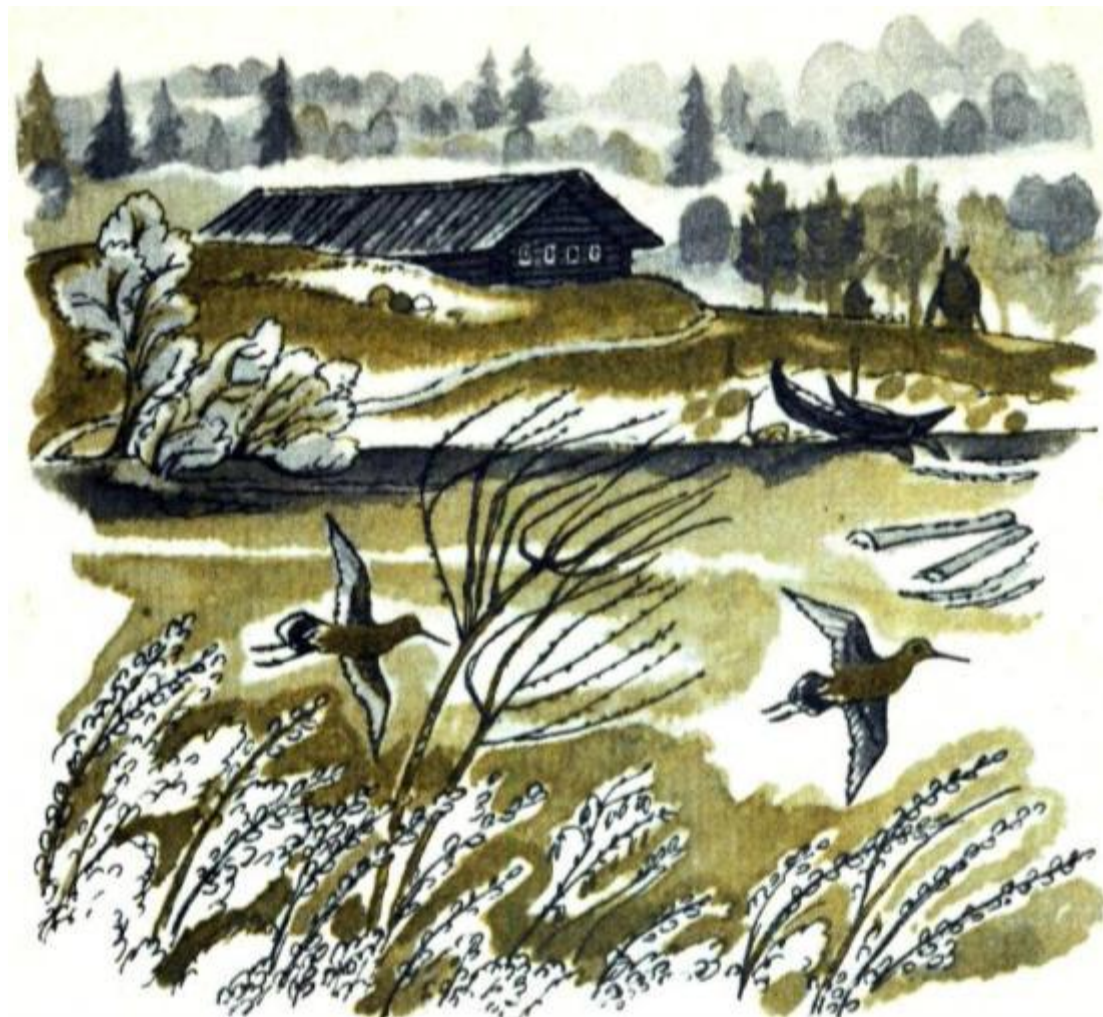
Деревня, где я жил, размещалась на горке, а на другой стороне засыпанной снегом речки, тоже на горке, стоит другая, соседняя деревня. Летом через речку ходили по лаве. Лава — это два стёсанных бревна, перекинутых с одного берега на другой.

Тропка на ту сторону оставалась прежняя, люди и зимой ходили по лаве, хотя можно было и по льду, напрямик. Я каждый день катался тут на лыжах. Однажды смотрю: по тропке из соседней заречной деревни бежит Малька. Одна-одинёшенька. Бежит домой деловито, ни на что не оглядывается. Кривые ножки так и мелькают на белом снегу. На следующий день — опять. Я удивился: куда это она бегает? Да ещё каждый день и всегда в одно и то же время.

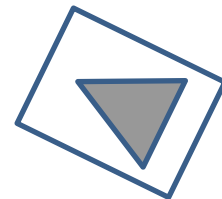
Спросил у Лидии:

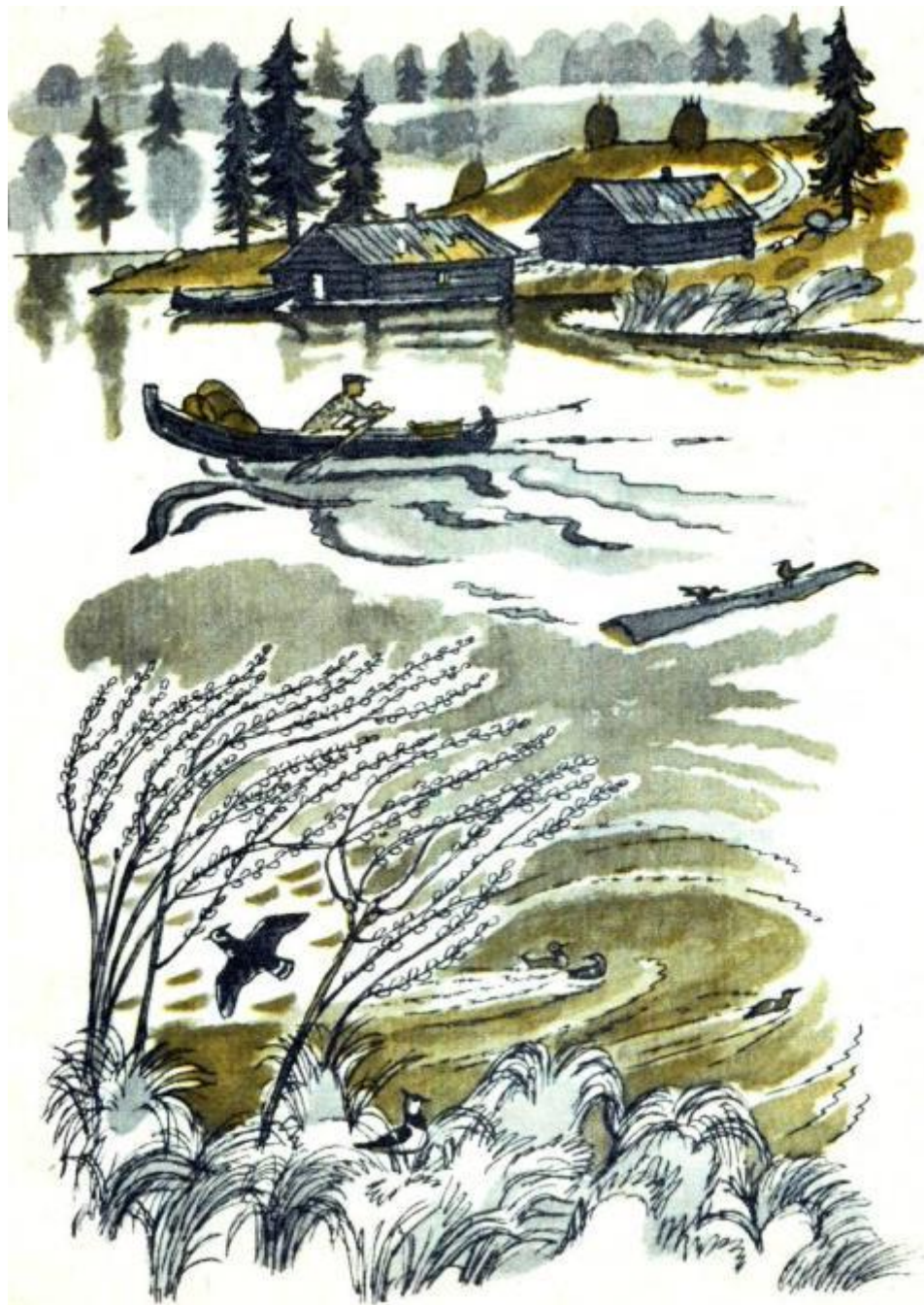
— Куда это Малька каждый день бегают?

— Да кормить! — весело пояснила Лидия. — Изю дня в день так и бегают, ничем не остановить. Уж я её ругала и в избе запирала, всё впустую. Только отвернёшься — готово дело. Была да нет, побежала кормить своё дитятко.

Вот так, думаю, Малька! Какая верная оказалась мамаша. Каждый день за два километра в чужую деревню, несмотря ни на какие опасности, бегают кормить своего сынка. Не каждая так может.

ЕЩЁ ПРО МАЛЬКУ

Так Малька и бегала ежедневно в ту деревню. Она ни разу не забыла свою обязанность. Между тем со всех сторон наступала весна. Снег таял, и речка сначала потемнела, потом разлилась. Малька всё бегала по лаве на ту сторону. Теперь если и захочешь не по лаве, то не проберёшься на тот берег.

Как-то утром я пошёл за водой, смотрю: за ночь река так разлилась, что вода подступила к самым баням. Широкое водное плёсо заполнило всю низину. Федя уже ездил на лодке, приглядывая места, где можно поставить верши.

Весело свистели прилетевшие ночью долговязые кулики. Постой, а где же лава? Я взглянул на то место, где обрывалась тропинка, и обомлел. Брёвен-то не было. Ночью их подняло водой и унесло. Всё. Связь с тем берегом оборвалась, подумалось мне, проехать можно только на Фединой лодке. А как же Малька?

Малька была легка на помине. Я видел, как она подбежала к воде, сунулась туда, сюда. Везде одна вода, и лав не было. Малька ступила в воду и вдруг поплыла. Такая маленькая беспомощная собачка и не испугалась широкой быстрой реки и холодной воды! Я с волнением глядел, что будет дальше. А что дальше? Малька, видимо, изо всех сил плыла наперерез струям, но её несло всё дальше.

Сил у неё было немного, а течение быстрое, и вот её несло по реке. Когда Мальку проносило мимо меня, я бросил ей какую-то дощечку. Но всё напрасно. Малька стремилась на тот берег. Я видел, как она, видимо выбиваясь из сил, с головой окунулась в воду. Я закричал Феде, чтобы он выловил Мальку. Федя и сам видел, к чему идёт дело, он поставил лодку поперёк течения и подправил её веслом, чтобы поймать собачонку.

— Ой дура! Куды сунулась,--приговаривал он.

— Ну, матушка, давай, давай сюда!

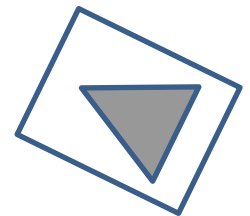
Он бросил весло и рукой выхватил Мальку из ледяной воды, Наверное, ещё немного бы — и она захлебнулась, потому что была еле жива.

— Матушка! — уговаривал её Федя,—Да разве дело? Его, дурака, ещё и кормить! Ведь большой уж, наверное, обормот, а ты всё бегаешь. Федя причалил к берегу и выпустил дрожащую от холода и ставшую совсем крохотной Мальку.

— Беги, беги домой!-- сказал он и обернулся ко мне:—Что значит животное.

И мы оба ещё долго дивились Малькиной материнской верности.

ТУНЕЯДЕЦ

Я занялся тетеревиной охотой и долго не видел Мальку. Каково же было моё удивление, когда однажды я зашёл к Лидии и увидел очень странную и неожиданную картину! Крохотная, тщедушная Малька лежала на полу на тряпичной подстилке и кормила большого рыжего кота.

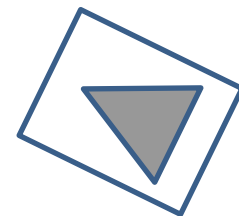
Она даже зарычала на меня: дескать, ходят тут всякие, только мешают. А кот даже не пошевелился, сосал и жмурился от удовольствия. Она была меньше кота примерно раза в полтора. И вот кормила своим молоком этого рыжего верзилу и увальня.

Я зашёл с другой стороны—
точно! Не было никакой
ошибки. Рыжий даже
причмокивал. Малька покормила
его и вспрыгнула на свои
тоненькие кривые ножки. А он
даже не повернулся на другой
бок и уснул.

«Ну, лежебока! — мысленно возмущался я. — Тунеядец несчастный!» Я даже
возненавидел этого кота, хотел ногой разбудить лентяя, но тут в избу вошла Лидия.
— Он что, давно так? — спросил я.
— Да сразу. Худой был, сухой, а теперь вон лощёный какой. Уж я его и ругала, и
колотила. Привык, видно. Ничего себе привык! У Мальки еле-еле душа в теле, а он
привык. Так-то и дурак может...

Я ничего не сказал и ушёл, злой на кота. И совсем не зря, потому что этот кот, как позже выяснилось, и впрямь получился совсем непутёвый. Никакое воспитание на него уже не действовало, как говорится, что смолоду не вколочено, под старость не наверстать.

КОТ РЫЖКО

С котами и кошками в деревне всяких случаев тоже было немало. Очень интересны эти животные и даже какие-то странные. (Вообще я считаю, что самые умные, прирученные человеком животные — это собаки и лошади, а самые глупые — овечки и курицы.)

Расскажу теперь про кота, который так нахально, не имея на это никаких прав, сосал Малькино молоко. Лидия покаялась десять раз, что принесла его жить к себе домой. Почему? Во-первых, дома он жил совсем редко, всё время где-то шатался. Во-вторых, если и жил, то безобразничал. Кто, например, научил его таскать цыплят? Вместо того чтоб ловить мышей, он ловил цыплят, и это до глубины души возмущало всю деревню.

Женщины ругали его шпаной и прохвостом, ребяташки кидали камнями, а Федя много раз просил у меня ружьё, чтобы кота застрелить. Я не давал под разными предлогами. Не очень-то верил тому, что говорят про кота, пока не убедился в правоте этих рассказов.

Как-то я наблюдал за одной синичкой. Смотрю: кот притаился в траве и ждёт удобный момент. Ничего не скажешь, красив! Он был яркий, как огонь, очень рыжий, даже оранжевый, с белым брюшком.

Синичка слетела на крыльцо и запрыгала, поминутно дрыгая хвостиком. Рыжий крался к ней. Вытянув шею, он бесшумно передвигался в траве. Иногда, чтобы переступить, долго держал в воздухе лапу — так был осторожен. Синичка, ничего не подозревая, поскакивала на ступеньке, а мне так и хотелось её спугнуть. Но неужели, думаю, она такая дурочка?

Когда между нею и котом оставалось метра два и когда Рыжий напрягся для прыжка, я бросил в синичку кепкой. Она улетела, я подошёл к коту. Он не прыгнул, не удрал. Он зажмурился и с прижатыми ушами замер в траве.

Очень может быть, что он притворился мёртвым или просто в отчаянии ждал очередную порку. Он не открыл глаз, когда я взял его за шиворот. Не пошевелился, так и висел в воздухе с прижатыми ушами. Я положил его на землю, плюнул и отошёл. Только тогда он сиганул за угол.

Синицу или воробья изловить не так-то просто. Может быть, поэтому он и стал воровать беспомощных глупых цыплят, навлекая на себя всеобщее возмущение. После случая с синицей я долго кота не видел. Однажды я ходил в лес, километра за три от деревни. Присел на пенёк отдохнуть и покурить, вдруг в густых кустах можжевельника, росшего на полянах, мелькнуло что-то оранжевое, яркое. «Лиса! — сразу сообразил я. — Мышек, что ли, ловит? Или птичек?»

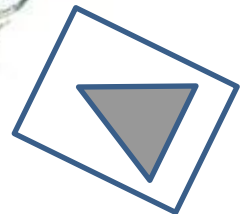

Я затаился, смотрю: опять кто-то ярко-оранжевый подскочил в воздухе и исчез. Нет, это надо же! Вместо лисы оказался кот.

Но что он делал в лесу, далеко от деревни? Кис, кис,-- позвал я. — Иди сюда, Рыжко! Кот долго не показывался из кустов. Потом всё же вышел, поглядел на меня, подошёл и начал... мурлыкать. Мурлыкать и тереться о моё голенище. Я дал ему головку от окуня, запечённого в пироге. Он неторопливо съел. Когда я позвал его домой, он охотно побежал следом за мной.

Хватит шататься,--на ходу рассуждал я.— Домой пойдём, ночевать надо дома. Чего тебе в лесу ночевать? Оглянувшись, я увидел, что кота не было. Обманул. А может, просто удрал, не желая возвращаться в деревню, где так много нагрешил и набезобразничал.

ГАЛКИ И ОВЦЫ

Овцы ходили в поле без пастуха, они щипали траву. Я видел, как прилетели две бойкие галки. Одна уселась на спину овце и давай тюкать носом прямо в шерсть. Овца даже как будто была рада непрошеной гостье.

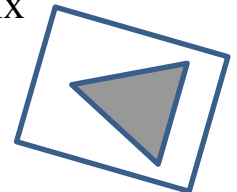
«Пух дёргает на гнездо, — подумал я.

— Ну и ну!»

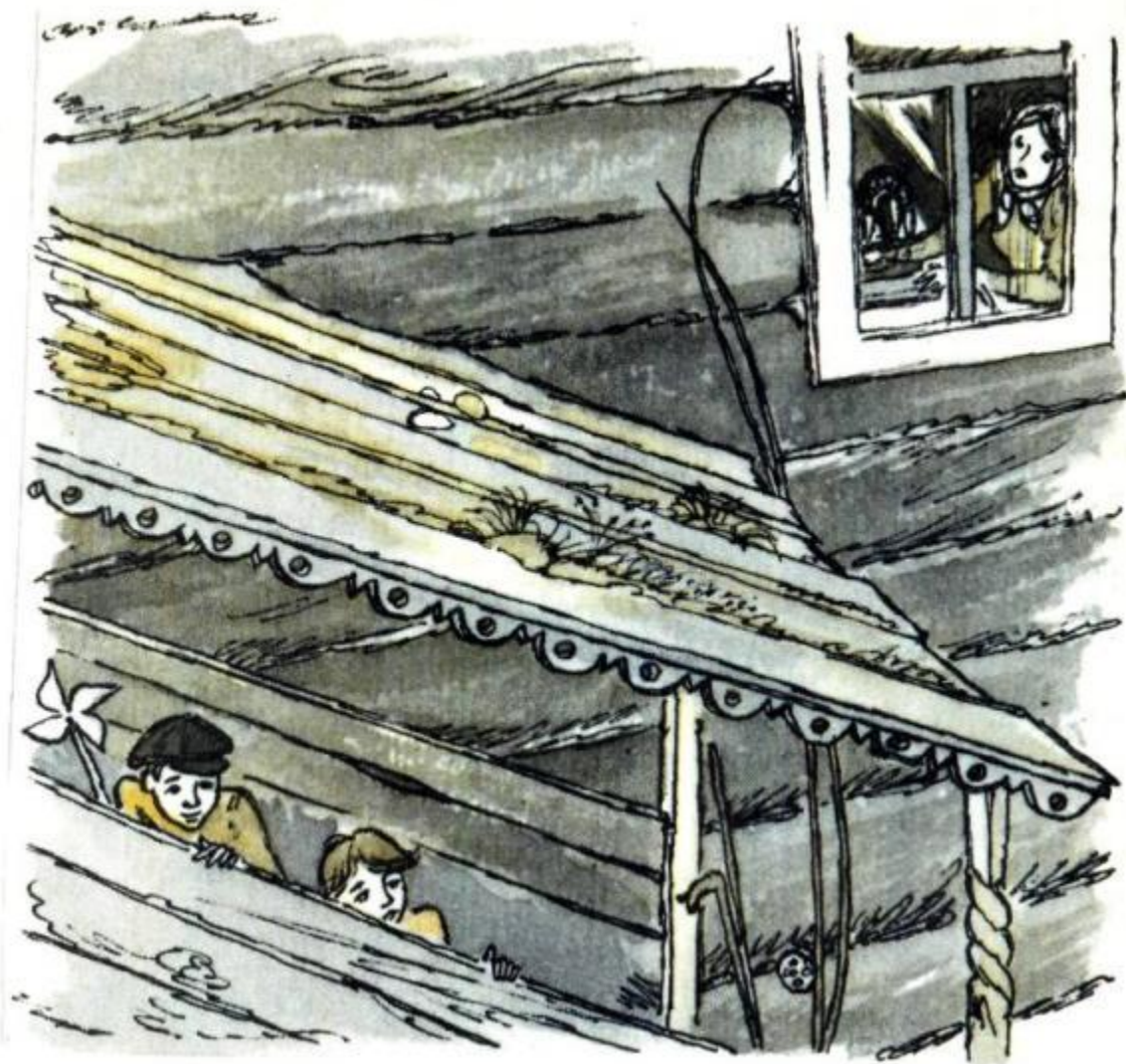
Но ведь все нормальные птицы выют гнёзда весной. Что это за галка, которая вздумала устраиваться с жильём под осень? Вторая галка села на барана, но тому это не понравилось или было не до галок. Тогда она села на другую овцу.

Позже местный ветеринар сказал мне, что галки вылавливают в овечьей шерсти личинок. Вот, оказывается, почему Овечкам нравились визиты этих, в Общем то, неприятных сварливых птиц!

ПРО БАРАНОВ

Федя человек прогрессивный и очень любит всякую технику. Он выписал по почте машинку для стрижки овец и быстро научился ею орудовать. Когда он остриг овец бабушки Марьи, ему не стало отбоя от посетителей.

— Да вы что? — отказывается Федя.— Разве у меня парикмахерская? Но всё-таки стриг. Вытаскивал из-под шкафа длинный резиновый шнур, включал вилку в телевизионную розетку и через окно подавал машинку на улицу.

В тот же вечер Лидия притащила под окно своего всё ещё не стриженного барана. Баран упирался и не хотел идти, он хрипел и по-дурацки блеял. Лидия то тащила его за рога, то ехала на нём чуть не верхом.

Федя критически оглядел барана:

— Мало его остричь. Его бы обрить надо, вишь, до чего упрям.

— Да ведь замёрзнет, — возразила Лидия. Федя обкорнал барана за пять минут. Стриженный баран всем показался тощим и маленьким. Я держал его за рога, пока Лидия складывала шерсть в старую наволочку. — Да отпусти ты его, отпусти, — сказала Лидия, — пусть бежит.

— Лидия! — окликнул дедко.—
Опять твой баран с моими овцами! На!
Забирай! Наш-то не у тебя?

Лидия всплеснула руками. Дедко
Остахов действительно тащил её
барана, она остригла по ошибке
чужого...

Я отпустил барана. Он отбежал на
дорогу. И встал, хрипло бляя. Он как
будто недоумевал, привыкая к новому,
«раздетому» состоянию.

— Хватит, пофорсил! — сказал Федя.
В это время я увидел дедка Остахова,
который тащил за рога другого барана.

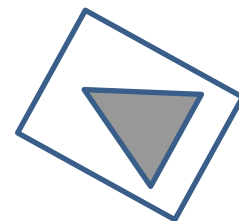
Федя хохотал на траве. Дедко Остахов сокрушённо разглядывал своего стриженного, всё ещё не отпускаая чужого лохматого.

— Дак на, шёрстку-то, — Лидия несмело подавала дедку наволочку.

— Да на што мне шерсть? Я овчину хотел выделать... Ну, может, к зиме и вырастет... Шут с ним.

И дедко из рук в руки передал Лидии её нестриженного барана. Сам взял наволочку. Лидия сокрушённо потащила домой своего барана. Стричь его в этот вечер она наотрез отказалась, до того расстроилась. Федя похохотал в тот вечер вдоволь.

ПОСЛЕДНЯЯ СИНИЧКА

Сидел я за столом в горнице и не заметил, как потемнело в воздухе. Взглянул в окно и вижу: на проводе, совсем рядом, сидит синичка. Сидит и вытягивает головку то влево, то вправо. При этом её тоненький клювик открывался и закрывался. Что это она делает? Я подошёл ближе к окну и забыл про синицу: сверху медленно летели снежинки. Вот почему потемнело на улице. Лето кончилось. Пришло время уезжать из этой деревни.

Синичка всё поворачивала головку то туда, то сюда. Я пригляделся и увидел, что она ловит ртом снежинки. Ах, лентяйка! Ей не хотелось лететь на реку. Она утоляла жажду снежинками. Никогда такого не видел. А может, она принимала снежинки за мошкарку и ловила? Не зря ведь говорят про первый снежок: «Полетели белые мухи».

Эта синичка была последней из всей деревенской живности, с которой я познакомился в это лето. Ночью Федя проводил меня за околицу на автобус. Мне не хотелось покидать эти места. Конечно, я далеко не всё рассказал о здешних животных, зверях и птицах. О них можно было бы ещё много рассказывать, но я боюсь, что уже наскучил читателю.

